

Еженедельно.

№ 2.

Цена 10 коп.

С.П.Б., Суббота,

21 Января 1906 г.

журналъ политической и общественной сатиры.

Открыта подписка на 1906 годъ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ САТИРЫ

„ЗАБІЯКА“

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

	На годъ.	На 3 мѣсяца.
Въ С.-Петербурѣ	3 р. — к.	1 р. — к.
„ провинціи	4 „ — „	1 „ 25 „
Заграницу	7 „ — „	2 „ — „

Отдѣльные номера „ЗАБІЯКИ“ отъ 5—10 коп., смотря по объему.
Для провинціи на 2 коп. дороже, пересылка за счетъ конторы.
Объявленія по 40 к. за строку пята.

Редакція и контора журнала „ЗАБІЯКА“:—Б. Подъячская, д. 4., кв. 13.

Редакторъ принимаетъ по дѣламъ журнала ежедневно отъ 4—6 часовъ веч., кромѣ праздничныхъ дней.

Контора открыта ежедневно отъ 10—12 час. дня и отъ 4—6 ч. веч., кромѣ праздничныхъ дней.

Главный складъ и розничная продажа номеровъ—Бол. Подъячская ул., д. № 4, кв. № 13.
Складъ открытъ ежедневно, не исключая праздниковъ, отъ 8 ч. уг. до 11 ч. веч.

ПРОБНЫЙ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА ДВѢ СЕМИКОПѢЧНЫЯ МАРКИ.

Въ журналѣ „ЗАБІЯКА“ участвуютъ выдающіеся сатирики
и юмористы.

Издатели: Л. М. Зюзеровичъ-Влебанскій,
В. А. Забѣлинъ.

Редакторы: Л. М. Зюзеровичъ-Влебанскій,
князь П. В. Бебутовъ.

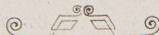
Газетнымъ артелямъ и другимъ оптовымъ покупателямъ этотъ номеръ
журнала будетъ выдаваться: Казанская ул. 41—43, переплетная А. Нордберга.

Розничная продажа номера будетъ производиться: Б. Подъячская, д. 4,
кв. 13 (редакція) и кв. 16 (контора) ежедневно, не исключая праздниковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція намірена откликаться на всѣ выдающіяся современныя явленія и на страницахъ журнала „Забіяка“ отмѣчать въ прозѣ, стихахъ и каррикатурахъ всѣ факты политической и общественной жизни, являющіеся наиболее яркимъ отраженіемъ переживаемой нами эпохи.

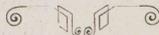
„Ridendo castigo“ — таковъ девизъ „ЗАБІЯКИ“, и честному служенію этому девизу посвящены будутъ полностью его столбцы и рисунки. Въ смѣхѣ нашемъ не будетъ ничего утрированного и оскорбительнаго, плоскаго и пошлаго. „Долой... произволъ, насилие, глупость и порокъ во всѣхъ его проявленіяхъ“. — такова платформа „ЗАБІЯКИ“.

Наше credo:

Витте! Ставимъ вамъ на видѣ:
Коль хотите, чтобы въ норму
Жизнь вошла. — тогда реформу
Проводите вы plus vite!

ЗАБІЯКА.

Къ читателямъ.

Редакція журнала „Забіяка“ проситъ читателей сообщать ей, не стѣняясь формой изложенія, всѣ достойные быть отмѣченными, какъ знаменіе времени, факты мѣстной политической и общественной жизни. Могутъ быть прилагаемы фотографическія карточки, которыя возвращаются редакціей по минованіи надобности. Главное условіе корреспондированія — отсутствіе личныхъ счетовъ.

!! Къ свѣдѣнію !!

Редакція журнала „Забіяка“ доводитъ до свѣдѣнія своихъ многочисленныхъ подписчиковъ о томъ, что № 1 журнала не могъ быть высланъ вслѣдствіе конфискаціи этого нумера властями по выходѣ его въ свѣтъ.

По этому поводу въ газетахъ: „Народное Хозяйство“ („Наша Жизнь“), „Молва“ („Русь“), „Новости“, „Петербургская Газета“ и „Петербургскій Листокъ“ — появились слѣдующія замѣтки:

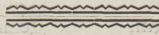
Въ №№ отъ 6 января 1906 г.:

Конфискація „ЗАБІЯКИ“. 6 января чины полиціи конфисковали, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, нѣсколько тысячъ экземпляровъ только что выпущеннаго политико-сатирическаго журнала „ЗАБІЯКА“, предназначенныхъ для отсылки и хранившихся въ складѣ. Нумера „ЗАБІЯКИ“, выпущенные въ розничную продажу, усиленно отбирались къ теленію дня чинами полиціи у газетчиковъ.

Въ №№ отъ 14 января 1906 г.:

Дѣло „ЗАБІЯКИ“. С.-Петербургской Судебной Палатой утверждёнъ арестъ, наложенный Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати на первый номеръ политико-сатирическаго журнала „ЗАБІЯКА“. Редакторъ „ЗАБІЯКИ“ Л. М. Зуверовичъ-Клебанскій привлекается къ ответственности по 128 ст. уг. ул. (неуваженіе къ Верховной Власти) и по пункту а, ст. 4, отд. VIII временныхъ правилъ о печати. Изданіе „ЗАБІЯКИ“ не приостановлено.

Въ случаѣ приостановленія въ дальнѣйшемъ по распоряженію Правительства изданія журнала „ЗАБІЯКА“, подписчикамъ и комиссіонерамъ взаимно „ЗАБІЯКИ“ будетъ высылаться журналъ однороднаго направленія подъ названіемъ „ИГЛА“, который будетъ выходить при томъ-же составѣ редакціи.

Сказаніе о безпокойномъ домѣ.

Далеко отъ насъ, на чужбинушкѣ,
 За полтыщи верстъ, тридевятъ земель,
 Посреди лѣсовъ и высокихъ горъ,
 Возвышался домъ бѣлокаменный.
 Домъ быть зданіе преогромное,
 Съ мезонинами, да съ крылечками,
 Съ рѣзьбой рѣдкою, да заморскою.
 Съ украшеньями разноцвѣтными.
 А внизу его понастроены
 Горюнамъ—жилыцамъ мелкой братіи
 Уголки все безпрощѣтныя,
 Все подвальные помѣщенія.
 Люди жили тамъ по коморочкамъ,
 Свѣту Божьего впрямъ не вѣдали;
 Да и окна всѣ въ этомъ домикѣ
 Были наглухо заколочены.
 А жильцовъ то тамъ было многолько—
 И пришлось ихъ всѣхъ, какъ сельдей какихъ,
 Въ тѣ коморочки—понапихивать,
 Другъ на друженьку понакладывать,
 Говорить могли только шепотомъ,
 Да и ѣли то почти впроголодь.
 Всѣ же лучшія помѣщенія,
 Съ вестибюлями да съ крылечками,
 Управлятелямъ предоставлены
 Были въ вѣчное ихъ владѣніе.
 И вверху всегда пиръ горой стоялъ;
 Гости знатные здѣсь сѣзжались,
 Рѣчи шумныя заводили тутъ,
 Веселились, пѣли пѣсенки,
 Дорогимъ виномъ угощались...
 А въ подвалахъ тѣхъ думу горькую
 Вѣдники—жилыцы крѣпко думали,
 На судьбу свою горько плакались,
 Все печалились... все надѣялись...
 А тѣмъ временемъ подросли они.
 Подросли они да размножились
 И простора имъ захотѣлось.
 И стучатъ они въ ставни твердыя,
 Чтобы ставни тѣ растворилися,
 Чтобы солнышко къ нимъ проглянуло,
 Приласкало ихъ лучемъ радостнымъ.
 Услыхали стукъ управители
 И пошли они ко начальнику,
 Къ «братцу» родному, да лукавому
 На жильцовъ его съ большой жалобой.
 —«Вотъ жилыцы твои съ жиру бѣсятся,
 Везобразничать, въ ставни ломятся,
 Поднимаютъ шумъ въ нашемъ домикѣ,
 Сокрушить весь домъ похваляются.
 Съ иностранцами видно снюхались,
 Да вѣдь тѣ намъ не указчики—
 Мы христьяне вѣдь, не язычники.
 Повели ты намъ, «братецъ» роденькій,
 Выспать розогъ имъ по десяточку,

Да стащить ихъ всѣхъ, безобразниковъ,
 Въ погреба твои на побывочку,
 Пусть кричатъ себѣ, надрываются:
 Въ погребахъ твоихъ стѣны толстыя,
 Не дойдетъ ихъ крикъ до твоихъ ушей
 И спокойствіе возстановится».
 Но тутъ «братецъ» вдругъ призадумался,
 И умомъ своимъ сталъ раскидывать:
 «А какъ вдругъ они, дѣти крамольны,
 Въ погребахъ моихъ заточены,
 Подшатаютъ тамъ наши балочки,
 Деревянныя и прогнившія,
 А на балочкахъ домъ нашъ держится,
 Теремокъ—то мой и управничковъ,
 И взлетимъ мы вдругъ съ неба на землю,—
 Только мокренько лишь останется...
 Нѣтъ! Ужъ лучше пусть позабавятся,
 Лучомъ солнечнымъ пусть потѣшатся,
 А потомъ поди наиграются,
 И пойдеть у насъ все по старому»...
 И вотъ сняли всѣхъ караульщиковъ,
 Поубрали вдругъ всѣ игрушки
 Пулеметныя да шрапнельныя,
 Съ оконъ ставни всѣ снимали тутъ.
 Пропустили въ дсмъ лучи солнечны,
 И «крамольнички» взликовали всѣ:
 Къ окнамъ радостно устремилися,
 Лучемъ солнечнымъ не насмотрятся,
 Свѣжимъ воздухомъ не надышутся,
 И весь день, всю ночь, до самой зарн,
 Все стоятъ у нихъ окна открыты,
 И поютъ жилыцы пѣсни шумныя
 Про поля, сады, про свободушку...
 Мѣсяцъ весело смотритъ въ домикъ тотъ,
 По подваламъ свѣтъ разливается...
 А управнички понахмурились,
 Губы до крови искусаили всѣ,
 Отъ безсилнаго гнѣва лютаго...
 Имъ не нравится красно солнышко
 И свѣтила тѣ поднебесныя:
 Точно совы всѣ по темнымъ угламъ,
 Всѣ управнички тамъ попрятались
 И дрожать они, страха полные,
 Свѣта Божьего убѣгаючи.
 А Свѣтъ мимо нихъ такъ и носится,
 Залѣзаетъ самъ въ ихні комнаты,
 Вѣтерокъ живой къ нимъ врывается
 И колышетъ ихъ пусты головы...
 И пошли они ко начальнику
 Съ слезной жалобой, да съ поклонами:
 «Ты послушай насъ, «братецъ» роденькій,
 Жить не можемъ мы, нѣту моченьки:
 Тѣ свѣтила намъ лишь глаза слѣпятъ,
 Не даютъ они намъ покоя всѣмъ,
 А жилыцы твои, безобразники,
 День и ночь поютъ пѣсни разныя,
 Пѣсни шумныя, непристойныя.

Двери, окна всё порастворены,
Холодокъ идетъ по всѣмъ комнатамъ
И заходитъ къ намъ въ помѣщенія.
Мы не можемъ спать ночи цѣлыя,
Мы привыкли жить по кротиному,
Поступать во всемъ по звѣриному...
Укроти ты ихъ, дѣтей крамольныхъ.
Вновь вели закрыть ставни крѣпкія,
Закрѣпить опять ихъ замочками,
А смутьяновъ тѣхъ въ погреба сажать,
И чтобъ балочекъ тѣхъ не тронули—
Мы надѣнемъ имъ цѣпи крѣпкія».
Тутъ ужъ «братецъ» самъ устоять не могъ,
И махнулъ рукой, далъ имъ волошку...

И опять стоитъ домъ тотъ каменный...

Окна наглухо заколочены,
И замки на нихъ понавѣшаны,
У воротъ опять караулъ стоитъ,
А вокругъ его поставлены
Все ирушечки пулеметныя...

А «смутьяны» тѣ въ погребахъ слять,
По рукамъ, погамъ въ цѣпи закованы...
Но остались имъ зубы крѣпкіе,
Зубы острые и голодные...
И грызутъ они гнилы балочки,
На чемъ держится домъ тотъ каменный...

Забіяка.

Мѣтра за мѣтру.

За рядъ статей, за дерзостныя рѣчи
Наказана зловредная печать:
Редакторы разсажены далече,
Журналамъ всѣмъ приходится молчать.
Рядъ грозныхъ мѣтръ... Но этихъ мѣтръ—все мало!
Чтобъ въ корнѣ зло пресѣчь, искоренить—
Какъ видимъ мы, необходимо стало
Всѣ разомъ типографіи закрыть.
Я внѣ себя отъ этихъ мѣтръ идейныхъ
И потому рѣшился-бъ предложить:
Весь длинный рядъ заводовъ оружейныхъ,
Не лучше-ль было-бъ — первыми закрыть.

Радиаль.

- Кто меньше всего думаетъ?
— Графъ Витте?
— ?!
— Очень просто, потому что всѣ
за него думаютъ, что онъ думаетъ,
а онъ ровно ничего не думаетъ...
— У васъ есть вѣсы? — спросили
современную русскую Фемиду.
— Да, они у меня были.
— А теперь?
— У меня — только висѣлица...

Кони стойки. Не такъ-то скоро ихъ въ обрывъ свалишь.

Въ типографіи сатирическаго журнала.

Гудитъ ротационная машина... Печатается номеръ сатирическаго журнала. Усталый редакторъ задумчиво глядитъ на шумливяя колеса — и думаетъ:

- Кажется, на этотъ разъ...
- Васъ спрашиваютъ.
- А? что? кто спрашиваетъ?
- Не знаемъ... господинъ какой-то... незнакомый.
- Гм... незнакомый! — Ну, про-сите.

Входитъ необыкновенно—благообразный „господинъ“ съ усвоенно-ласковыми манерами и жандармски — успокоительнымъ взглядомъ.

— Такъ и есть! — думаетъ редакторъ. — Началось!...

— Если не ошибаюсь — г-нъ редакторъ...? — нѣжно произносить незнакомый.

— Да, я. Чѣмъ могу служить?

— Позвольте представиться: цензоръ такой-то. Чтобы избавить васъ отъ лишннихъ хлопотъ, я предлагаю явиться лично... предупредить Васъ.

— Ахъ, предупредить?..

— Да, да... Къ искреннему нашему сожалѣнію вашъ номеръ... да, вашъ номеръ... не можетъ появиться въ свѣтъ.

— О, Господи! Да какъ-же... извините за нескромный вопросъ, когда же вы видѣли номеръ?

— Ахъ, не беспокойтесь, пожалуйста! Я уже болѣе получаса нахожусь здѣсь и вполнѣ успѣлъ ознакомиться съ содержаниемъ номера лично.

— Такъ! Но что-же въ номерѣ криминально? Бомба, что-ли?..

— О, нѣтъ, это пустяки!

— Тогда вотъ это — „сказка о министрѣ“?

— Нѣтъ, помилуйте, это не важно...

— Рисунокъ съ разстрѣломъ?

— Ахъ, что вы! такая мелочь... Нѣтъ, дѣло не въ этомъ. Извольте поглядѣть: вы допустили напечатать слово „Петергофъ“.

— Ну?

— Обвинение по 128 статьѣ. Номеръ арестуется. Эй, городовые!..

Картина... Ротационная машина нелѣпо взвизгиваетъ — и останавливается. Въ дверяхъ — полиція...

Забіяка.

ВЪ АЛЬБОМѢ.

„Онъ лирикъ былъ плохой; смѣнились времена — И вышелъ изъ него сатирикъ, нынѣ модный“.

— „Что-жъ тутъ мудренаго? Изъ сквернаго вина Выходитъ часто укусъ превосходный“.

БУКАНЪ.

ДИАЛОГЪ.

- Я люблю васъ и моею...
- Какъ вы смѣете?... Молчать!
- Говорю, такъ значить смѣю — Я люблю... — Ахъ, вы опять?!
- Я люблю... — Признание снова Вы хотите повторить?!
- Но у насъ свобода слова.... Ergo — смѣю говорить.

Вл. Ненадо.

ИЗРЕЧЕНИЯ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ.

* „Береженого—Богъ бережетъ“, сказалъ Дубасовъ, обставляясь пулеметами.

* „Съ храбрыми—Богъ“, сказалъ г. м. Трофимовъ, удирая изъ Новороссійска.

ЛЕО.

МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ.

(По К. Пруткову).

Желъзное кольцо есть первое звено въ цѣпи редакторской жизни.

Если хочешь быть усмирителемъ — поступи въ гвардію.

Самопожертвование есть цѣль для пули русскаго солдата.

Не-Прутковъ.

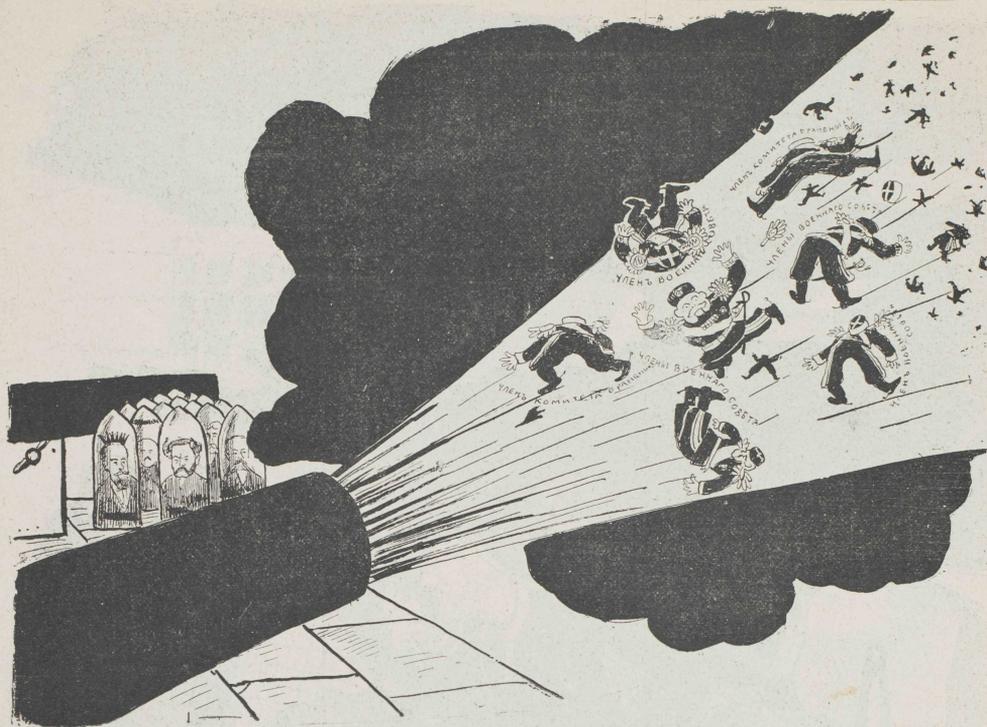
ЗАПОЗДАЛЫЙ СОВѢТЪ.

— Отчего бы не поѣхать отличившимся воякамъ: Мину, Фролову, Дубасову, Орлову и пр., полѣгчить-ся и отдохнуть на гризи?

— Во первыхъ они—уже погрязли въ тинѣ реакціи, а вторыхъ—они предпочитаютъ лѣгчитьсь кровью.

Игла.

И. К. Сивен (Забіяка)

44 ГЕНЕРАЛА.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

- Сколько фунтовъ овса съѣдаетъ казачья лошадь въ день?
— Смотря по разстоянію между казаками и министромъ.
- Какая разница между казаками Донскими и казаками Полтавской губ.?
— А та, что Донскіе Полтавскихъ бьютъ.

Какъ повѣрить въ вѣсть такую? Изъ военнаго совѣта Вдругъ уволены „въ чистую“ Сразу—сорокъ и четыре Генераловъ, адмираловъ! Ахъ, ужасная картина! Разомъ отняты оклады... Въ чемъ вина ихъ? Гдѣ причина? Жили тихо, спали сладко,— Вдругъ въ отставку! Какъ же это? Ахъ, я понялъ... Вся загадка— Въ сокращеніи бюджета. Извините, генералы, Извините, ради Бога! Вы... трудились слишкомъ мало, Получая слишкомъ много!

0-нъ.

Во время Отечественной войны графъ Виттъ сформировалъ три украинскихъ казачьихъ полка, а послѣ войны онъ передалъ Тайное Общество. Нынѣшній же графъ Витте также обильно формируетъ казачьи полки.

Какое совпаденіе!?!

Старыя пословицы Дала.

(перепечатано изъ „Пословицы русскаго народа“ т. I, изд. Волфа).

- Съ дурной рожи, да еще носъ долой (стр. 27).
— Одолели черти святое мѣсто (стр. 11).
— Борода апостольская, а усюкъ — дявольскій (стр. 17).
— Читасть: „Да будетъ воля Твоя!“, а думаетъ— „когда-бъ то моя!“ (стр. 17).
— Господи прости, въ чужу клѣть луси, пособи нагрести, да и вынести! (стр. 17).
— Шель мудрецъ по Прѣснѣ, да—свалился! (стр. 29).
(продолженіе будетъ).

* * *
Стрѣльба въ людей упражняетъ руку и развиваетъ вѣрность глаза.

Разстрѣливый ближнихъ. Раненаго приколи штыкомъ.

Первый шагъ на улицу есть вѣрный шагъ къ смерти.

Продолжать убивать легче, чѣмъ окончить убійства.

* * *
— Дурново заявилъ представителямъ гапоновской организаціи, что послѣ 9-го января „все войдетъ въ обычную колею“.

— Это не въ ту ли „колею“, которая была „обычною“ до 17-го октября? Не вѣрится, чтобы онъ обѣщалъ что нибудь, кромѣ возвращенія къ старому.

— Да, въ воздухѣ пахнетъ „паленымъ“.

Петро! Пиль!!!

— Слышали? одинъ изъ нашихъ министровъ цѣлыхъ три умныхъ слова сказалъ.

— ?!

— „Выйду въ отставку“.

— Отчего солдаты стрѣляли съ колокольни Страстного монастыря?

— Къ Богу ближе.

— Какимъ образомъ?

„ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА“.

Въ большомъ столичномъ городѣ
Стоитъ отель на площади,
Въ отелѣ томъ во каменномъ

Все старики сидятъ.

Съдые старцы, древніе,
Дѣла рѣшаютъ важныя,
Порою думу думаютъ,

А больше спать — храпятъ.

Какая ужъ работушка
Пойдетъ на умъ, коль каждому,
Больному, параличному,

Безъ малаго сто лѣтъ.

Пора бъ имъ на прилавочкахъ,
Подъ одѣяльцемъ тепленькимъ,
Съ компрессами, припарками

Лежать, да смерти ждать.

Иль улины столичные
И тротуары скользкіе,
Асфальтомы замопенные,
„Песочкомъ“ посыпать.

Но старцы именитые
На то не соглашаются —
Хотятъ слыть патриотами, —
Отечеству служить.

Чины, оклады крупные
Покинуть имъ не хочется:
Хоть спимъ, да въ службѣ числимся
И денежки беремъ.

А разрѣшать приходится
Вопросы шекотливые,
И молодымъ не легкіе,
Не то что старикамъ.
И вотъ, съ дремотой борючись,
Порою старцы вымолвятъ
Такое ли рѣшеніе,

Что смѣхъ кругомъ поидетъ.

И старцы то рѣшеніе
Совѣта смѣхотворнаго
Спѣшать руками слабыми
Скорѣе подписать.

Съ печатью государственной,
Рѣшеніе „хитроумное“
На завтра, съ почтой утренней
По всей странѣ летитъ.

Дивятся обыватели,
Читаютъ рѣшеніе, —
Какъ чепуху подобную
Понять и исполнять?

А старцы вновь собираются
Въ отелѣ тотъ богачливый,
Дѣла рѣшаютъ, думаютъ,
А больше спать — храпятъ.
Я все сказала. Подробнѣе:
Въ какомъ отелѣ тотъ городѣ,
И какъ онъ называется
Сказать я не рѣшусь.
Боюсь, что старцы древніе,
Разсвирѣбъ до ярости,
Меня за откровенности, —
Въ застѣнокъ вдругъ запрутъ.

А потому читателя
Молю смиреннымъ голосомъ,
Мозгами пораскинувши,
Все самому рѣшати:

Въ какомъ столичномъ городѣ,
И на какой на площади,
Какой отелѣ есть каменный,
И въ немъ какой совѣтъ.

CELLO.

*Миръ Весел. Соловьев
(Минуска)*

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Третейскій судъ врачей.

Не стая вороновъ слеталась
На груди тлѣющихъ костей —
Слѣпая злоба разгоралась
Въ сердцахъ „коллегии“ врачей.
Тамъ вышелъ инцидентъ съ Лучин-
скимъ:

Въ больничнѣ митингъ онъ созвалъ
И съ видомъ смѣлымъ, исполненнымъ,
Про автономію вѣщаль!

Когда жъ „коллегія“ узнала,
Что митингъ служащихъ идетъ,
Отъ страха вся затрепетала
И въ мигъ... предприняла походъ.
Врачи признали, что въ больничнѣ
Лучинскій вовсе нетерпимъ:

Пора ему де удалиться
И развязать всѣмъ руки имъ!
— „Онъ корпорации ихъ вреденъ;
Онъ смѣло правду говоритъ,
Не служитъ Кульневу обѣденъ,
И... про дефекты все кричитъ.“

Четыре смерти вдругъ случились
Терапевтическихъ больныхъ...
Мы съ ними долго провозились,
Хоть и не знали толку въ нихъ,
А онъ, Лучинскій, нашъ предатель,
Вдругъ началъ рапорты писать:

„Что, моль, больные умирали
Не потому, что смерть пришла,
А потому, что не давали
„Лекарства наши доктора!“

„Что не хватало въ той палатѣ
Ни вентиляторовъ, ни ваннъ...
На слишкомъ 50 кроватей,
Всего одинъ-де докторъ данъ!
Но вѣдъ безцѣльно тратить время
Врачамъ на хрониковъ — больныхъ,
Когда плодовъ отъ ихъ лѣченья
Нельзя предвидѣть никакихъ!“

И врачъ Лучинскій понарасну
Строчить моль жалобы на нихъ...
Самъ Кульневъ знаетъ ихъ прекрасно
И самъ такъ смотритъ на больныхъ“.
...Врачемъ Лучинскій — ординарнымъ
Въ больничный штатъ зачисленъ былъ,
И... годы цѣлые бесплатно
Въ больничнѣ злачной прослужилъ.

Не получая иждивенья
Ужъ восемь мѣсяцевъ подрядъ,
Лучинскій потерялъ терпѣнье.
И рассердился, говорятъ!
Ходилъ онъ каждый день къ Кульневу

Въ надеждѣ деньги получить,
Но все нѣтъ толку никакого;
Лучинскій думаетъ, какъ быть?
Раскрыть порядки въ той больничнѣ
Ему тогда пришло на умъ —
И для „коллегіи“ въ столицѣ

Онъ неприятный вызвалъ шумъ,
Хоть и правдивый; но готово
Ужъ обвиненіе и тутъ,
И Вересаева — второго
Въ судъ всей „коллегіей“ влекутъ.

Когда же дѣло объяснилось
И судьи поняли „подвохъ“,
И всѣ надежды пропались —
Врачамъ Степановъ вдругъ помогъ.
„Улики есть еще, повѣрьте“.

Онъ успокаивалъ врачей:
„Онъ страшны, ужаснѣй смерти:
Не сдобровать ему, ей-ей!
Я обвиню его въ подлогъ;
Скажу, что онъ меня нагрѣлъ,
И, что, пока я былъ на югъ,
Онъ всей лѣчебницей вертѣлъ“.
Но обвиненіе въ подлогъ
Къ несчастью такъ же сорвалось,
И вотъ опять врачи въ тревогѣ,
Вдругъ — радость — есть еще доносъ —
„Лучинскій не терпимъ въ больничнѣ:
Онъ грязный, пошлый человѣкъ,
Онъ проститутокъ не стыдится

И съ ними говорить при всѣхъ!“
Но и на этотъ разъ Лучинскій
Сухимъ выходитъ изъ воды:
На простигутахъ онъ учился
И велъ научные труды.
Коллегія убита горемъ,
Ей ужъ фатально не везетъ:
Все, что ни скажешь она болѣ,
Никто ей вѣры не даетъ...
Но всежъ сдаваться нѣтъ охоты:
У ней въ запасѣ укусъ есть.
Теперь у ней одна забота —
Вернуть поруганную честь!
„Служилъ Лучинскій санитаромъ
И взятки съ укусника бралъ,
А для очистки всѣхъ кварталовъ
Больничамъ укусы прописалъ“...
— „Но укусы нуженъ для больничнѣ.
Онъ очищаетъ все кругомъ“.
Сказалъ имъ судъ, и эти лица
Такъ и остались не причѣмъ.
Рискнуть-бы дальше, да неволью
„Царька“ Кульнева подведешь —
И самъ то будешь недоволенъ,
Да и съ мѣстечка упорхнешь.

Тетерева.

Старая погудка на новый ладъ.

Быль домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И чижиъ и соловей
Висѣли
И пѣли.
А то, еще былъ домъ,
Гдѣ за рѣшеткой, подъ замкомъ,
Редакторы газетъ
Сидѣли, —
Но тѣ... не пѣли.

Забіяка.

Хорлы и Скадовскъ.

Какъ-то разъ въ комиссії
 Подъ начальствомъ „славнаго“
 Циглеръ-фонъ-Шафгаузень
 Дѣло разбиралося
 Скадовска и Хорловъ.
 Объ эти гавани,
 Къ югу что находятся,
 Лишею желзною
 Съ казенною гарантіей
 Мечтали обладать.
 „Хорламъ-то дать гарантію
 Порту незаосомому,
 Отъ льдовъ всегда свободному,
 Природой укрьпленному,
 По истинѣ-бъ должно!
 Но... Скадовскъ, хоть и скованный
 Морозомъ въ зиму лютую,
 Все-жь „нагрѣваетъ“ рученьки...
 „Песочекъ“ тутъ вѣдь „желтенькій“
 Побольше пользы дать,
 Рѣшила такъ комиссія,
 И люди хотя свѣдуши
 Съ ней не согласился —
 Хорламъ было отказано.
 — Скадовскъ же въ честь попалъ!
 Рѣшенье Соломоново
 Чиновной той комиссії
 Дать намъ поводъ высказать
 Всегда — „песочекъ желтенькій“.
 Въ такихъ дѣлахъ есть все!

А лу-ка крики!

Тихо. Ночь. Луна. Храмъ Божій.
 Свѣтъ. Тверская. Небеса.
 Пулеметь. Ружье. Прохожий.
 Кровь. Я живъ! О чудеса!

— Какіе апельсины пріятны для публики, но неприятны для министровъ?
 — Русскіе, съ надписью: „осторожно“.

ТЕЛЕГРАММЫ.

(Отъ собственныхъ корреспондентовъ „Забіяки“).

Тьмуторакань. Въ Тьмутораканскомъ у. произведено значительное количество арестовъ крестьянъ, прикнужившихъ къ злонамѣренному крестьянскому союзу. Не арестованной осталась 86-ти лѣтняя крестьянка Афімья Желзбушнина. Заключенная преступница не созналась даже послѣ неоднократнаго сличенія.

Парижъ. Извѣстный миллионеръ Шарль Папильонъ покойничъ съ собою выстрѣломъ изъ двенадцатидюймового орудія По слухамъ покойный помѣстилъ все свое состояніе въ русскія бумаги.

Берлинъ. Такъ называемый „праздникъ по русскіи“ не состоялся, не смотря на полную боевую готовность имперекскихъ войскъ.

„ХРОНИКА“.

* Вчера по особому распоряженію, арестованы все кондитеры, изготовлявшие покладный бомбы. Въ тотъ же день арестованы и нѣкоторые широдники. На приказахъ объ ихъ арестъ сдѣлана особая надпись: „на всякій случай“.

* Петербургскіе помощники присяжныхъ повѣренныхъ хлопочутъ объ измѣненіи ихъ званія, не желая, чтобы ихъ начальныя буквы составляли: „П. П. П.“, а то еще кто нибудь можетъ подумать, что они принадлежатъ къ „Парти Правоваго Порядка“.

Нашъ почтовый ящикъ.

(Перечень правилъ для лицъ, приносящихъ рукописи).

- * Чужое хорошее и собственное плохое не печатаются.
- * Все избитое, скучное, старое — просятъ посылать въ другіе журналы.
- * Съ ябедами и жалобами обращаться непосредственно къ мировому.
- * Къ стихотвореніямъ, разбромъ болѣе 5000 строкъ, прилагать расходы на сожженіе.
- * Въ рукописи выполняются на одной сторонѣ бумаги, при чемъ новичкамъ совѣтуемъ не заполнять бумагу ни съ какой стороны.
- * Въ рукописи безъ обозначенія аванса, печатаются какъ исключительная рѣдкость.

ОТВѢТЪ Г. ЗРЪ (МИНСКЪ).

Анонимныя сообщенія не печатаются. Редація проситъ своихъ корреспондентовъ точно обозначать имя, отчество, фамилию и адресъ.

НЕ ПРОПОРЦІОНАЛЬНО

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

1000 руб. НАГРАДЫ

тому, кто укажетъ въ Петербургѣ „свободнаго гражданина“, у котораго пока еще не была произведена обиска.
 Письма адресовать въ охранное отдѣленіе.

ГРАММОФОНЪ

исполняющій мотивъ всѣхъ партій, требуется немедленно.

Адресъ: Запасная половина Зимняго Дворца, ангартаментъ гр. Витте.

